

Я знаю, грусть не утопить в вине

Комм. правда. - 1993 - 28 дек. - с. 2.

Сначала — только факты. 26 ноября 1925 года 30-летний Сергей Есенин, сдавшись на уговоры родных, ложится на двухмесячный курс лечения в психиатрическую клинику.

21 декабря он прерывает лечение. И, несмотря на просьбы врача и родных, покидает больницу.

23 декабря Есенин уезжает в Ленинград и поселяется там в гостинице «Интернационал» (бывшей «Англетер»).

27 декабря он пишет знаменитое «До свиданья, мой друг, до свиданья...» Стихотворение, начертанное собственной кровью, он вручает поэту Вольфу Эрлиху.

28 декабря утром Сергей Александрович Есенин находится в гостиничном номере повесившимся на угловой трубе парового отопителя.

Трагическая цепочка этих событий с той или иной степенью подробности была известна всегда. И, как подавляющее большинство исторических свидетельств, она не подвергалась сомнению.

Но вот настали разоблачительные годы перестройки.

Сначала нам преподнесли миф о таинственных заговорах, убивших великого поэта. Потом авторы этой версии вступили друг с другом в полемику по поводу того, кто же мог это сделать. Одни утверждали, что Есенина убили ненавидевшие его большевики-сионисты. Другие доказывали, что убийство поэта — дело рук Сталина.

В 1991 году директор НИИ судебной медицины А. Громов и доктор медицинских наук Б. Сवादковский заявили, что «самоубийство поэта — не версия, а факт». Сделала выводы и судебно-медицинская экспертиза. Комиссия пришла к заключению, что, во-первых, автограф стихотворения «До свиданья, мой друг, до свиданья...» действительно сделан Есениным кровью (для этого потребовались сотые доли грамма крови). И, во-вторых, нет никаких оснований отвергать вывод судебно-медицинского эксперта 20-х годов о самоубийстве поэта.

Однако во взаимоотношениях Есенина с властями и в самом деле было немало противоречивого. Взаимоотношения эти, как чаще всего и случается, были далеки от примитивной черно-белой схемы. Подтверждение тому — весьма любопытный документ, на

Мне осталась
одна забава:
Пальцы в рот —
и веселый свист.
Прокатилась
дурная слава,
Что похабник
я и скандалист

Сергей ЕСЕНИН.
1923 год.

который я случайно наткнулся в архиве. Документ — рукописное послание одного из видных партийных деятелей Х. Г. Раковского председателю ОГПУ Ф. Э. Дзержинскому — до сих пор не публиковался. Но, прежде чем привести его целиком, я хотел бы вернуться к более ранним исследованиям взаимоотношений Поэта и Власти.

В 1917—1918 годах Есенин был чрезвычайно увлечен революционными лозунгами. Достаточно прочесть его стихи «Капитан земли», «Русь уходящая», «Баллада о 26», «Ленин», чтобы поверить словам из автобиографии, что он «со всеми устоями на советской платформе». А вот в атмосфере нэпа — стихии рынка, сочетавшейся с монопольной властью коммунистической партии — поэту явно было душно. Отсюда и многочисленные резкости в адрес властей, о которых рассказывают мемуаристы. Но фрондерство Есенина не было глубоким. Он прилежательно соизмерял свои выступления с мнением известных партийных деятелей — С. М. Кировым, П. И. Чагиным. А идеальным, законченным типом человека считал Троцкого (по свиде-

тельству В. Ф. Наседкина — мужа его сестры).

Не секрет, что у Есенина в последние годы жизни развивалась болезнь — алкоголизм. В медицинском заключении психиатрической клиники 1-го Московского университета от 24 марта 1924 года говорилось, что он «страдает тяжелым нервно-психическим заболеванием, выражающимся в тяжелых приступах расстройства настроения и навязчивых мыслях и влечениях». В 1925 году летом, как вспоминал Наседкин, в родном Константинове «он был совершенно невменяем», «усиливалась мания преследования», «больше всего боялся милиции и суда».

«Сильные мира» принимали меры. Поэт-эмигрант В. Ходасевич вспоминал, что относительно Есенина был «отдан в 1924 г. приказ по милиции — доставлять в участок для вырезвления и отпустить, не давая делу дальнейшего хода. Вскоре все милиционеры центральных участков знали Есенина в лицо.

Воронский писал в предисловии к 1-му тому собрания сочинений поэта: «Из года в год сквозь пальцы смотрели

на такие поступки Есенина, которые для других никогда не прошли бы бесследно. Речь идет об его скандалах, правда, в пьяном, т. е. больном состоянии. Есенину это сходило, так как его берегли и знали, что он — «неповторимый цветок» и что он болен».

Неудивительно, что историкам, знакомым со всеми этими фактами, просто нелепым кажутся неизвестно откуда взявшиеся «откровения» о том, что в начале 1924 года «Есенин переходит на нелегальное положение, скрываясь от взятия его под стражу», что «его ищут судебные исполнители, его выслеживает милиция». Ищут человека, который всегда на виду в Москве, ездит в Баку, где его опекает партийный работник Чагин, редактор газеты «Бакинский рабочий»? Понимая нелепость этой ситуации, один из современных «исследователей» глубокомысленно изрекает: «Только знакомство с архивными документами ГПУ позволит выяснить, почему он был арестован».

Но вот знакомство с этими документами состоялось. Письмо, о котором я упоминал выше, найдено во время работы с фондом Дзержинского. Написано оно 25 октября 1925 года в поезде по дороге в Париж. Автор письма Х. Г. Раковский накануне был назначен послом во Францию.

Дорогой Феликс Эдмундович!

Прошу Вас оказать нам содействие — Воронскому и мне, чтобы спасти жизнь известного поэта Есенина — несомненно самого талантливого в нашем Союзе.

Он находится в очень тяжелой стадии туберкулеза (захвачены оба легкого, температура по вечерам и пр.). Найти куда его послать на лечение нетрудно. Ему уже предоставлено было место в Надеждинском санатории под Москвой, но несчастье в том, что он вследствие своего хулиганского характера и пьянства не поддается никакому врачебному воздействию.

Мы решили, что единственное еще остающееся средство заставить его лечиться — это Вы. Пригласите его к себе, пробегите хорошенько и отправьте вместе с ним в санаториум товарища из ГПУ, который не давал бы ему пьянствовать. Жаль парня, жаль его таланта, молодости. Он

много еще мог дать не только благодаря своим необыкновенным дарованиям, но и потому, что, будучи сам крестьянином, хорошо знает крестьянскую среду.

Х. Раковский. Большинство биографов о туберкулезе Есенина не упоминает. Но наличие чахотки у поэта отмечает Наседкин. По его воспоминаниям, заболел Сергей Александрович весной 1925 года, находясь в Баку. После прогулки в горах на автомобиле на следующий день горлом пошла кровь. Врачи, вызванные Чагиным, вынесли приговор: «Если не бросишь пить, через три месяца — смерть».

Пока у нас нет достоверных сведений о том, был ли Есенин у Дзержинского. Но на подлиннике письма есть надпись председателя ОГПУ своему секретарю: «т. Герсону. М. б., Вы могли бы заняться? Ф. Д.» И не очень разборчивая пометка секретаря: «Звонил... найти Есенина».

Документ свидетельствует, что до самой смерти отношение Власть к Поэту было достаточно благожелательным. Это подтверждают и некрологи в центральных газетах, и торжественные заседания с участием официальных лиц, и издание воспоминаний о нем, и выход собрания сочинений.

Только потом, почти через год после смерти поэта, началась кампания по «развенчанию Есенина».

В стране бушевала эпидемия хулиганства, долгое время почти безнаказанного. Осенью 1926 года власть начала целенаправленную борьбу с ним, придав ей, как и полагалось, политический характер. Вот тут-то на роль «певца хулиганства» и пригодился Есенин. 6 сентября в Москве прошло совещание по борьбе с хулиганством. А уже 19 сентября в «Правде» появилась статья известного партийного публициста Л. Сосновского «Развенчайте хулиганство», бичующая Есенина. После публикации эти «Злые заметки» Бухарина — члена Политбюро, главного редактора «Правды», официального идеолога тогдашней Системы — Власть надолго сохранил враждебное отношение к Поэту.

Владлен ИЗМОЗИК,
кандидат исторических наук.